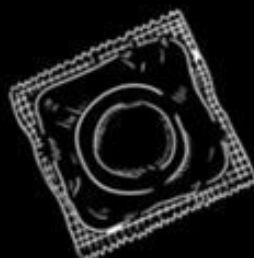

18+

Светлана Термер

ИСПОВЕДЬ ПРОСТИТУТКИ

Светлана Термер
Исповедь проститутки

«Издательские решения»

Термер С. И.

Исповедь проститутки / С. И. Термер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511647-5

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Исповедь проститутки» — это биографический роман о девушке, связавшей жизнь с героином. Прочитав ее ты узнаешь о том, что скрыто от глаз общества, углубишься в жестокий и правдивый мир наркотического плена. Здесь каждая страница пропитала кровью и слезами.

ISBN 978-5-00-511647-5

© Термер С. И.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Исповедь проститутки

Светлана Ивановна Термер

© Светлана Ивановна Термер, 2020

ISBN 978-5-0051-1647-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора.

Исповедь пожилой женщины, бывшей проститутки. Каждая страничка ее жизни будет расписана здесь кровавыми чернилами. На смертном одре она пишет о своей жизни, прошедшей в героиновом экстазе, но к сожалению счастливыми были лишь пару дней в ее жизни.

(с) Светлана Термер

Предисловие.

Здравствуй, дорогой читатель!

Каждому в глубине души хочется приоткрыть завесу тайны мира наркотиков и проституции. И я предоставляю тебе эту возможность. Запретный плод сладок. Меня зовут Роза. Просто Роза. И в жизни и по профессии. Такое имя дала мне при рождении мать. Она хотела чтобы я цвела и приносила радость людям, как этот красивый цветок, но к сожалению, я стала всего лишь сорняком, от розы сохранившим только шипы. Я не отрицаю своего падения, и не посмею оправдать себя. Эта книга – исповедь, но не оправдание. Приговор вступит в силу с последней страницы этой книги. Если ты читаешь ее, значит я уже мертва.

(с) Светлана Термер

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1.

Мой наркотический путь начался в мои 13 лет. Это были те самые 90-е, когда героин повалил в Россию тоннами. Его раздавали чуть ли не на каждом углу, за копейки. Наш маленький мир окруженный березами по периметру погряз в наркотиках, проституции и бандитской власти.

Дружбы среди мира, окружающего меня и таких как я, просто не существовало. Наглость, подлость и хитрость – самые значимые качества в человеке, который хочет жить.

Детство мое прошло слишком быстро. Моя мать родила меня в 17. Отца я не знала, братьев и сестер у меня не было. Когда я пошла в первый класс моя мать потеряла желанного ребенка из-за тяжелой работы. Она долго не могла с этим смириться и даже проходила лечение в какой-то клинике. В то время мне пришлось пол года жить у своей дальней родственницы. Это были худшие пол года за все мое короткое детство. Когда мать вернулась мы стали жить как прежде, только ей было очень тяжело. Слезы на ее постаревшем лице не высохали, но иногда превращались в стекло, и от того ее глаза почти не двигались а лицо не имело эмоций. Она слишком рано начала стареть. Уже в 30 она не выглядела привлекательно. Мне было жаль ее, но я была с ней жестока.

Покидая дом для обучения в школе я будто шла на войну безоружной. Я знала, что снова будут проблемы, что день ото дня я буду с кем-то ссориться, кусаться, может завяжется драка. Избалованные детишки будут называть мою мать шлюхой, а меня моральным инвалидом, безотцовщиной и нищеводкой. Изначально, когда эти мерзкие уколы в мой адрес только начинались вместо ожидаемых слез я проявляла агрессию. Это еще больше разжигало в них интерес, и я начала войну.

Было сложно, но я смогла отыскать компанию людей, которым хоть немного была интересна. Чтобы влиться в коллектив я несколько изменила взгляд на привычные вещи, и стала снисходительнее относиться к алкоголю, ранней половой жизни и подобным вещам, которых как огня боялись дети моего возраста, имеющие благополучных родителей.

В мой 13 день рождения я осталась одна на ночь. Моя мать была на смене и развлекать меня особо было некому. Не скажу, что до этого я не пробовала алкоголь, но в тот день набралась до беспамьтства. Проснулась я в объятиях Славика, одного из парней нашей компании. Я не жалела, и даже была рада чувствовать себя настолько взрослой. Большая от похмелья голова тянула меня вниз, как тяжелый камень, но я поднялась и вышла покурить на балкон. То утро я помню очень отчетливо.

Было около 7 утра. Вкусив сигаретный дым и туманное утро с высоты 4 этажа я пошла разгонять всех по домам и прибираться дом, чтобы мать ничего не заподозрила. Но, думаю если бы она застала меня еще спящей в объятиях неизвестного парня она бы отреагировала так же безразлично как и всегда. Может безразлично, может бессильно и устало, – меня это не особо волновало. Меня волновало другое. То, что через два дня мне снова в школу, и мне придется снова воевать. То, что смысла в моей жизни не было, а я была в действительности никому не нужной сиротой. У меня была мечта – уехать из этого города, увидеть мир своими глазами, встретить людей, которые будут со мной добродушны ни смотря ни на что.

Тот день рождения стал переломным в моей жизни. За один короткий год я резко повзрослела и изменилась. На тех же выходных я впервые попробовала марихуану. Гуляя под дождем мы с друзьями забежали в подъезд чтобы согреться. Я смотрела в окно с 10 этажа,

и восхищалась этой мрачной красотой. Славик сам предложил мне закурить. Легкое головокружение, покой и чувство полета – вот что я ощутила в первый раз. Несомненно я сделала это и во второй раз, и в третий.

Глава 2.

Мама постоянно работала, и ее почти не было дома. Ее взгляд всегда был усталым, и будто стеклянным. Она казалось не была живой, всего лишь синхронно выполняла привычные дела, и задавала одни и те же вопросы. Я не хотела долго говорить с ней. Что может понять эта женщина? Откуда ей знать о моих чувствах? Я молчала о них, будто дожидаясь что кто-то сам их увидит, поймет и исправит. Я думаю, так мыслят все подростки. Во всех смыслах этого слова я была самым обычным, таким как все, кричащим внутри и молчащим снаружи подростком. Меня никто никто не понимал, и я была одинока. Всеми силами я пыталась быть такой как все, в то же время пытаясь выделиться. Противоречие и непонимание самой же себя – вот что правило мной, когда я выходила на улицу и снова употребляла что-нибудь.

Попадать в нелепые ситуации каждый раз, выходя на улицу, и ходить под вечным адреналином – для меня уже было вполне обыденно, и проводить день в заключении унылой комнаты, без вечных приключений было невыносимо. Прежде чем подсесть на героин я неслабо подседела на бешеный стук сердца и прерывистое дыхание при побеге от полиции или охраны. Однажды мой друг сломал руку в двух местах, прыгая из окна второго этажа чьей-то квартиры, в которую мы забрались чтобы погреться поздней зимой. Она была открыта. В ней было много пыли, грязи и не было даже следов чьей-то жизни. Но оказалось что это квартира одного пожилого мужчины – инвалида. Он всего лишь доживал свой век, и ему было абсолютно плевать на состояние его дома.

Убегая по сугробам после щелчка в замке и услышав его историю мне стало жаль его, и я хотела как-то ему помочь, но надо мной только посмеялись, назвав «слишком святой», для моего образа жизни. Зачем помогать убогим? Они ведь уБогие. С ними Бог, он им и поможет. Я размышляла и об этом, но пришла к выводу, что Бога нет. Однако помогать этому мужчине я не стала, обидевшись на колкое «Слишком святая». Вскоре он умер, и квартира как и полагается опустела. Тогда мы туда стали наведываться практически каждый день. Соседям надоел шум, и в итоге мы оказались в участке. На всех нас написали заявление, но мы быстро отделались. Хотя этот привод в милицию все же оставил след на наших жизнях. На нас всегда с подозрением смотрели учителя и ставили нас как плохой пример. Но разве не свойственно подросткам наплевать на все и думать лишь о себе?

Позже, благодаря нам и шумным обсуждениям соседей новость о пустой квартире дошла до дальних родственников, ранее наплевавших на одинокую душу, и они уверенно заявили что являются полноправными наследниками. Через пару недель туда кто-то заехал, обустроился, и счастливо проживал на территории страдания и смерти одинокого человека. Тогда я поистине пожалела что оставила его одного. УБогий и немощный старик погибал в одиночестве, а я, поддавшись на провокацию оставила все как есть. Но ведь я могла хотя бы прийти к нему и предложить свою помощь. Во мне, тогда еще маленькой девочке, идущей на пути к грязи и смерти еще таилась какая-то доброта, сопереживание, может быть даже Любовь. У меня не хватило сил сохранить в себе эти прекрасные качества.» Физически сильна, чтобы нарушать закон, душевно и морально слаба, чтобы сделать правильный выбор.» – спустя годы, я характеризую себя именно так.

Глава 3.

Время от времени я сбегала от компании, под предлогом болезни или занятости. Делать там было нечего. Слава бросал на меня косые взгляды, ребята вечно шутили про меня. Вскоре наши дороги разошлись и я вновь осталась одна. Школьная программа давно ушла далеко

вперед и я ничего не могла понять. Дома всегда пусто, а идти больше некуда. Спасаясь от слез, боли и одиночества я стала выпивать.

Я пила у себя в комнате, прятала бутылки под кроватью, и практически не выходила из дому. Мама заметила это и попыталась вмешаться, но так как я была в ужасном состоянии я всего лишь послала ее и продолжила в том же духе. Вот оно, противоречие, я вроде как чувствовала себя сиротой, но отвергала мать. Может сама того не осознавая, я отталкивала спасение? Но я знаю точно, мне все это не нравилось. Только увы, душевную тоску было не заглушить. Я еще не знала других путей решения своей тоски. После употребления марихуаны сразу чувствуешь облегчение, легкость и эйфорию, но когда эффект заканчивается – становится невыносимо тоскливо. Будто из тебя сильным ударом выбили всю энергию и она пустила в тебя мощнейший оргазм, но после этого в тебе не остается ни сил, ни эмоций, ни жизни. Ты превращаешься в высохшее растение.

Уже была холодная, поздняя осень. Я вышла из дома за очередной бутылкой, но подумала что испытаю счастье, если снова возьму травки. Ведь когда-то она давала беззаботность и легкость. Я пришла к старому барыге, и попросила еще марихуаны. Не знаю что он мне подсунул, но это было не то, что я брала раньше. В тот вечер меня привезли в больницу с острым отравлением и ожогами гортани и легких. Организм не принял новый вариант и на первой затяжке мне начало жечь горло, на третьей я начала кашлять, а после четвертой задыхаться. После я увидела темноту, и открыла глаза на кушетке в больнице. За столом сидела немолодая женщина, что-то записывающая в тетрадь, а в углу плакала мама. Домой мы вернулись молча. Я слышала только всхлипывания своей матери, но говорить не могла. Горло жутко болело. Пить после этого я тоже не смогла, алкоголь еще больше обжигал горло, но и терпеть тоску я тоже не могла. Я пришла к барыге еще раз. Может он найдет другой вариант успокоиться?

Мне конечно удалось добыть замену марихуане, это были какие-то яркие капсулы, после приема которых я ощущала настолько мощный источник энергии в себе, что была в эйфории от каждого вдоха. В моих ушах было слышно биение моего сердца, а все свои конечности я ощущала настолько сильно, что могла разглядеть свои вены, ибо кровь в них была очень горячая, будто я горела изнутри, при этом не сгорая. Я была источником этого огня, и все в моих руках закипало, в глазах плавилось а на кончике языка превращалось в вулканическую лаву. Казалось будто плюнув на стену огромного дома я могу спровоцировать масштабный пожар, и ничего кроме пепла не оставить. Да, это было очень прикольно, потому что находиться в данном состоянии в тишине было невозможно, и я открыла для себя такой жанр музыки как «тяжелый рок». Я выпросила у матери аудиоплеер и не расставалась с ним ни на минуту. Гореть изнутри куда романтичнее если тебе подыгрывает барабанщик и подпекает сорванный бас солиста. Я знакомилась с новыми людьми, находила новые компании. Это были «лихие 90-е», когда в уже развалившийся союз запустили много всего неизведанного. В СССР не было героина, а в мои 15 его уже с легкостью было возможно достать прямо у себя во дворе. В нашу «пещерную» страну вошли новые жанры музыки, новые виды искусства, новые правила и новые понятия нормы.

Глава 4.

Какое-то время я продолжала встречаться с друзьями, курить травку, иногда выпивать, и от употребления стимуляторов мое сознание резко менялось и многое становилось безразлично. В период «прихода» от любого расслабляющего вещества я словно становилась счастливой, хотела жить, мечтала о будущем. Заканчивалось действие – заканчивалось счастье. Я впала в глубокую депрессию. Мне ее диагностировали врачи чуть позже. Пока же об этом никто не знал я хранила молчание словно мертвец. Лишь только решалась проронить хоть слово – невыносимая душевная боль и тоска вызывали у меня чувство безысходности, а люди, которым

хотелось что-то сказать были для меня подлыми врагами. Открыться им – значит подать им нож и повернуться спиной. С одной стороны я их ненавидела, с другой презирала, с третьей боялась. Была ли Любовь во мне хоть к кому-то? Нет. Даже к матери у меня Любви не находилось.

Я проводила так дни, недели. От холодного одиночества я старалась спастись в компании друзей, но как и сама позже поняла, я шла туда чтобы чего-нибудь употребить. Как люди они не были мне интересны, а разговоры их казались пустой и убогой болтовней. Вскоре меня покинули и они.

Глава 5.

Каждое утро я просыпалась с ненавистью ко всем, и смысл видела лишь в том, чтобы достать деньги и взять наркоты, забыв хоть на 40 минут свою жизнь. Прошло всего недели три как я стала стабильно употреблять, и все скатывалось на самое дно, от моего состояния, до моего внешнего вида.

Мать силой затащила меня к врачу, долгими уговорами она не справилась, но пригрозила оставить без денег, которые были нужны на траву, и я строптиво опустила глаза и сжимая зубы от ярости и злобы согласилась.

Пожилая женщина в очках с толстыми стеклами стала назначать мне анализы, обследования. Долгое время я еще таскалась по врачам, временами сбегая из очереди покурить на улицу и замечала что даже табак не дает мне силы жить. Мне нужна была эта сила.

Анализы подтвердили наличие наркотиков в крови, которые сохранялись в организме еще долгое время. Мне поставили затяжную депрессию, прописали антидепрессанты. Ярко – голубые капсулы были чем-то похожи на экстази и я с надеждой принимала их, но ничего не происходило. Однажды я взялась за лезвие и полоснула им по левому запястью. Теплая кровь потекла в белую ванну и окрасила ее в ярко-красный цвет. Я застонала от боли, а потом закричала. Мама долбилась в дверь, кричала и просила открыть, а потом крючок на двери оторвался, мама закричала так громко, и принялась рыдать. В этот момент я медленно закрыла глаза и погрузилось в пустой сон.

Глаза пришлось открыть от едкого жгучего запаха. Запястье украшал белоснежный браслет из стерильного бинта. Это показалось мне красивым. Слишком нудные разговоры моей матери и старичка врача тянулись невыносимо долго, и я начала снова засыпать. Всего лишь засыпать, но жгучая ватка опять вернула меня назад, и грубые руки в перчатках стали озадаченно набирать прозрачную жидкость в шприц.

Вновь проснувшись я услышала «счастливую» новость. Мне предстоит лечение в клинике на длительный срок. В ближайшие сутки я должна была собрать необходимые вещи и на такси приехать в клинику. В обратном случае за мной приедет бригада скорой помощи.

Дома я с безразличным видом стала складывать одежду, зубную щетку и косметику в сумку, но представив что буду заключена в больничные стены без травы я решила покурить в последний раз, а для усиления эффекта выпила третью часть 1,5 литровой бутылки какого-то дешевого алкоголя. Готовая сумка ждала в комнате, а в клинику меня забрали на скорой, причем прямо из подъезда, где я полусидя, прислонившись к стене смотрела пустым взглядом на дверь чьей-то квартиры. Чьей, я конечно уже не помню. Помню как мать плакала, врач скорой помощи матерясь взял меня под руки и словно труп тащил с 4 этажа прямо до машины. В машине скорой медсестра резко дергая меня перекладывала набок, вкалывала что-то, представляла какие-то трубки или провода к рукам, а я смеялась диким голосом и заливала своими рвотными массажи машину. Есть что вспомнить в преклонных годах. Я рада, что у меня никогда не было детей. Они хотя бы не узнают кем была их мать.

Глава 6.

Сначала, прежде чем я легла в психиатрическое отделение я побывала в реанимации (правда всего минут 40, но все же), пережила промывание желудка и какие-то капельницы. Потом около часа один из врачей промывал мне еще и мозги. Не много ли промываний для одного дня, черт возьми?!

Этот докторишка возомнил из себя отличного специалиста, мол и не таких ломал, и наркоманы с 10 летним стажем от него уходили чистыми, а если не хотели «жить как нормальные люди» он назначал им по три клизмы каждый день, до тех пор пока те не встанут на путь истинный. Я хотела наблевать ему на стол, но к его счастью мой желудок уже был пустой. Я послала его к черту раз пять, прежде чем он отправил меня в отделение. Я настолько устала от его лекций, что зайдя в палату сразу упала на кровать и проспала до утра.

Утренние процедуры в первый день вымотали меня не меньше чем этот разговор с доктором накануне. И снова со мной беседовал какой-то психиатр, задавал те же самые вопросы, – я нехотя отвечала и пыталась дерзить. Наконец он назначил мне лечение и направление к психотерапевту и отпустил. После обеда я получила свою первую порцию препаратов, с которыми после не расставалась больше полгода. Я не знала что это за препарат, но к таблеткам и уколам относилась спокойно. Хорошо было бы, если бы мне вкололи морфин, но раз его нет, и травы нет, то сойдут и те психотропные что мне кололи. После приема этих препаратов я пыталась что-то нарисовать, но потом яростно смяла и разорвала листок, бросила его на пол и ушла в палату. Но я делала это преодолевая мышечную усталость, которая сковывала мои движения и мысли. Так действовали препараты. Они сдерживали внутри больного рассудка всю злобу и жестокость и пациент не мог причинить себе и окружающим вред. У него не было на это сил. Читать было нечего, телевизора тоже не было, как и телефона. Я попыталась найти что-нибудь интересное в общем шкафу в коридоре, но ничего не было, кроме карандашей, цветной бумаги и тому подобного хлама. Тогда я решила пойти и поболтать с кем-нибудь.

Я подошла к одной девушке, с темно-русскими, вьющимися волосами и пустым, заплаканным взглядом. Она через силу улыбнулась мне. Я всеми силами пыталась растянуть разговор хотя бы на часик, мне было дико скучно. Говорила она мало, но ее слова имели большой смысл. Через пол часа нашей беседы она рассказала что сидела на героине 1,5 года. В псих. лечебнице она оказалась уже после наркологии и проходила лечение от затяжной депрессии. Испытывать счастье без героина она уже не могла, и потому все время хотела умереть. В ее словах была заметна тревога и безысходность. Она уже ни во что не верила. Это была высшая степень отчаяния. До такой даже я не доходила, хотя и считала себя самым несчастным человеком на земле. Она ушла, ковыляя худощавыми ногами в свою палату, а я направились в свою. Перед тем как погрузиться в сон я много думала об этом месте. Мне хотелось теперь поговорить со всеми пациентками этого отделения. Меня тянуло к этим историям, меня тянуло к этим людям. Я будто нашла в них себя...

Глава 7.

В палате было много девочек со шрамами на руках. У кого-то шрамы были одиночными, а у кого-то полностью покрывали руки. Видно они слишком сильно боялись жизни. Гуляя по отделению я разглядывала медицинских сестер с передвижными системами по коридору, вянущие цветы на подоконниках, пациенток с впалыми глазами, прячущими их за синяками. Больничный запах был просто отвратителен. Но со временем я привыкла к нему.

Время от времени я смотрела на большие часы в коридоре и ждала окончания дня, но все они тянулись словно вечность. Через неделю моих скитаний по коридору мне назначили индивидуальные и групповые занятия с психотерапевтом. Я была рада хоть какому-то разнообразию этих одинаковых, скучных дней. И хоть открываться никому я не собиралась, я с надеж-

дой ждала каждого занятия. Там мне помогли наладить общение с другими пациентками. И конечно на индивидуальном занятии мне выпотрошили всю душу, и заставили безутешно рыдать.

Спать после занятий я не могла. И подойдя к окну я стала разглядывать в темноте, через зарешеченное окно хоть какую-то жизнь. По территории время от времени проходила охрана и дежурные врачи. Пробегали бездомные собаки и коты, вместе с ветром летели целлофановые пакеты и опавшие листья. Я даже и забыла что уже почти осень. Хотелось сидеть так в тишине еще очень долго, но глаза тяжелели и я решила лечь спать. Что снилось в ту ночь я уже не вспомню, но после тех препаратов которые мне кололи я спала как младенец.

Глава 8.

Дни незаметно складывались в недели, недели в месяцы. Я пролечилась в закрытом отделении всего пол года. Постоянное повторение пройденного. Завтрак, процедуры, обед, занятия с психотерапевтом, прогулка, прием лекарств. Эта цикличность убила бы меня, если бы не столько раскрытых передо мной душ, если бы не столько чьих-то жизней, прочитанных как книга с уст моих соседок по отделению. Тоска и безысходность таились в глазах каждой, но все говорили, пусть и фальшиво, что жить надо ни смотря ни на что, и никогда не сдаваться. Они давно сдались, но желали мне борьбы.

Я прочла все книги, какие были в нашей маленькой библиотеке. Я писала письма матери, писала письма людям, которых никогда не верну. Потом, после отбоя я разрывала эти письма на маленькие кусочки и смывала в унитаз. Это не было кошунством, я просто не хотела огласки. Хотя сейчас, спустя годы я понимаю, что спустить свои чувства в унитаз было гораздо проще, чем позволить кому-то коснуться их, увидеть и не дай бог понять.

Психотерапевт у меня был неплохой. Ему удалось всю душу из меня вытащить, заставить меня во всем раскаяться и разобраться. Со временем я стала понимать что жду этих разговоров. Не каждый день у меня прежде была возможность кому-то доверять. По вечерам я с такой же жадной выслушивала рассказы о жизни анорексичек, самоубийц и наркоманок. Я поведаю их истории и тебе, читатель. Чувствуй.

Настенька, маленькая девочка с впавшими голубыми глазами страдала от одной из тяжелейших форм шизофрении. В возрасте 9 лет она была изнасилована своим отчимом, после чего перестала спать по ночам. Потом стала видеть кошмары и наяву. Она боялась мужчины, которого должна была называть отцом. Перед сном подпирала дверь стулом, никогда не поворачивалась к нему спиной и не наклонялась. В 11 лет она сбежала из дома и бродяжничала, прибываясь к кому-то из своих ровесников. Потом ее нашли и очень жестоко наказали. Когда в очередной раз ее псих отчим избивал ее «в целях воспитания» она ударилась головой об стену и получила сотрясение мозга. После сотрясения у нее появились слуховые галлюцинации, которые подтолкнули ее к самоубийству. В больнице она уже больше года. Привезли ее со вскрытыми венами, наложили швы и оставили в 10 палате. С тех пор она не видела ни мать, ни отчима, ни улицы. Она сама призналась, что здесь единственное место, где она в безопасности. Пропускает прием лекарств, нарочно, чтобы не выздороветь и не выписаться.

Кристина, высокая, темноглазая наркоманка. Ей 15, а она уже имеет опыт проституции. В 13 лет пьяная мать выгнала ее из дома. Кристина нашла себе компанию, в которой ее приняли и согрели. И посадили на героин. Сначала она возвращалась домой, и пока мать спала пьяная вытаскивала из дома все деньги. Но мать алкоголичка и без того бы пропила все ценности и деньги, а дочь наркоманка помогла это сделать в кратчайшие сроки. Потом ее угощали героином за оказание интимных услуг. Она спала с мужчинами, получая взамен только героин. Никаких денег, только порошок. Ее тело оценивалось в одну сотую грамма белого порошка.

С передозом ее привезли в наркологию, а после сразу перевели сюда. Здесь у нее нашли какое-то психическое расстройство, которое ставят всем наркоманам подряд. Ну разумеется после употребления наркотиков разум не будет прежним. У меня было тоже самое. Только я сидела на травке, а она уже на 4 инъекциях героина в сутки.

Дарья. Она страдала от анорексии и булимии. Она училась в балетной школе, где лишний вес презирался, и о нем говорили чуть ли не каждую минуту. Вот Дашенька и не выдержала. Сначала она отказалась от еды совсем, потеряла почти весь свой вес. Потом она стала с диким голодом набрасываться на всю еду какую видит, а осознав сколько это может весить если переварится бежала в туалет и вызывала рвоту. Когда ее привезли сюда она так же пыталась пихать пальцы в рот, но санитарки просто связали ее руки за спиной. Она все время ходила будто в наручниках. Увидев ее впервые я подумала что она преступница, и ее лечат принудительно, но нет, она всего лишь мечтала выbleвать из себя все до последней капли и очень сильно истерила, когда ее кормили со связанными руками и не давали ничего запихать себе в горло. Последние недели ее уже настолько сильно накачивали психотропными, что она ничего не соображала.

Глава 9.

Я полюбила это место. Больница стала моим домом и внешний мир вызывал во мне страх и чувство опасности. Я боялась покинуть отделение, оно стало всем миром для меня и защитой от внешней угрозы. Здесь были врачи и мед сестры, которые могут спасти от любой болезни, здесь были пациентки, которые стали родными, Любили друг друга и поддерживали. И самое главное – здесь не было наркотиков. Выписка означала что в любом случае мне придется снова вернуться к употреблению.

Увы, но время выписки все таки подходило, и мне приходилось начинать прощаться с этим местом. Я часто подходила к процедурному кабинету, чтобы ощутить лекарственный запах. Он лечил одним лишь вздохом. Бродила по коридорам, всматриваясь в чисто вымытые окна, прикасалась пальцами к вянущим цветам. Даже холодная ванна с потрескавшейся краской была мне близка, ведь в нее часто смывались мои слезы. Мне не хотелось домой в первую очередь потому, что там будет так же грустно и одиноко, но понимающих взглядов пациентов не будет. Не будет и их холодных рук, что часто поправляли мне волосы во время моих рыданий. Я оставила бумажки с адресом, номером телефона и своим именем каждой пациентке. В надежде что хоть кто-то позвонит. Надела рюкзак, и вышла из клиники с куклой в руках – подарок одной из новоиспеченных подруг.

Свобода, и в то же время ощущение ждущего меня в стенах родной комнаты одиночества ударили мне в лицо холодным зимним утром. Так и началась моя старая – новая жизнь.

Глава 10.

Встречаться со старыми друзьями желания не было. Как не было желания и идти в школу. Но мне пришлось вернуться туда. В этот раз на моем лице была грусть и злоба, с готовностью защищать себя при любой ситуации. Мне уже не быть слабой. Я зашла в класс. Положила сумку на стол и хотела уже достать тетради и потрепанный учебник, но со спины в меня прилетело две смятые бумажки. Я открыла их и увидела надписи «Теперь твое погоняло ПСИХОПАТКА» и «Отлично провели время без тебя. Жаль, что снова придется видеть твою рожу». Я достала ручку и со злорадной улыбкой написала ответ «Я тоже рада встрече. ПСИХОПАТКА превратит вашу жизнь в ПСИХУШКУ. Ждите.» Кинула ее не глядя назад и продолжила готовиться к уроку. За день ко мне так никто и не подошел. Может сработало?

Однако после уроков я заметила что у меня на сумке чем-то липким было написано «УМРИ»

Тогда я и осознала, что в моем классе одни лишь крысы. Но меня радовало что они боятся делать это перед моим лицом и совершают подлости лишь когда я не вижу этого. Страх врага – твоя первая победа над ним.

Глава 11.

Я попала в больницу не только из-за суицида, наркотики подтолкнули меня к этому. Но я помню это беззаботное чувство наркотического опьянения. Оно схоже с ощущением небытия, и в тоже время пребывания сразу везде. Я влюбилась в наркотик с первой затяжки. Все думают что каждый должен знать что наркотик есть зло и смерть. Увы, но нет. Не каждый знает. Именно поэтому наркоманы существуют, и их количество растет с каждым днем.

Зима, пробирающий до костей холод, одинокие вечера в комнате, одинокие дни в школе, страх, боль, грусть. Моя душа не выдержала. Я пришла к тому же человеку, который в последний раз давал травку и таблетки. Он словно консультант в магазине навязчиво описывал действие каждого из них и все расхваливал. Я взяла и травку и таблетки, так как деньги у меня были. Спрятала их в нижнем белье и пошла домой.

Я знала что преступаю закон и возвращалась со страхом. Дома тепло, но все так же плохо. И мать сегодня не на смене. Я решила пойти куда-нибудь где никого нет. Это был подвал соседнего дома. Он всегда открыт, и там отопительные трубы. Тепло. Я выкурила свой первый после выписки «Косяк», откинулась спиной на стену и закрыла глаза. Тепло и комфорт были со мной какие-то 1,5 часа. Казалось это было совсем недолго. Когда отпустило возвращаться домой я не хотела. Заснула там же. В школу я не пошла, и проснувшись выкурила второй косяк. После обеда третий. Мне не хотелось возвращаться в реальность. Передозировка была не так страшна как должна была. Покой дороже.

За четыре дня в этом подвале у меня закончились все запасы и травки и таблеток. Мне не хотелось есть, только дикая жажда была со мной каждый раз когда «отпускало». Денег не было, и я вернулась домой. Мама была со мной очень мягка и вместо истерик она всего лишь задавала мне вопросы «почему?» «что я сделала не так?» и горько плакала. Я уходила от нее в комнату, с обещанием больше так не делать и завтра пойти в школу. Так было около 3-х дней, но все же мне пришлось выполнить обещание.

Я появилась в школе в последний раз. В тот день я прямо перед уроками выкурила то, что прятала в комнате «на черный день». Когда я зашла в школу сразу после «косяка» я упала на пол, прямо в коридоре. Приступ тошноты заставил меня бежать в уборную, но я перепутала направление и ломилась в дверь «служебного помещения». Звонок на урок. Толпа собралась вокруг меня, а я сидела на полу прижавшись к стене и налившимися кровью глазами смотрела на этих маленьких демонов. Прибежали какие-то учителя, толпу разогнали, потом директор затаскил меня в мед кабинет. Была вызвана полиция и скорая помощь.

Моей матери в тот же день заявили что я исключена из школы. Но органы опеки вообще не обратили на это внимания. Походу, всем на меня плевать. Мать лишила меня всех карманных денег. Не на что было покупать наркоту, или хотя бы алкоголь. Я была в ужасном состоянии, и слишком жадно просила еще чего-нибудь у барыги, но, цитирую – «бесплатный сыр только в мышеловке». Я стащила у мамы крупную сумму пока она спала и сбежала из дома. Он наконец продал мне травку и сказал чтобы я заходила почаще. Он сказал что понимает мое состояние и поможет побороть его. Черт возьми, этот ход был гениален. Потому что когда я уже настолько привыкла к травке что начала говорить, что она мне не помогает – он предложил мне кое-что покруче. Еще круче чем таблетки и травка. Порошок.

С этого дня началась новая глава моей жизни. Я больше не буду говорить с тобой о детских мечтах и депрессии, читатель.

Остановись на последней строке, оглянись вокруг, задумайся. Потом перелистни страницу, и начни читать с чистой головой. То что ты увидишь дальше будет уроком для тебя. Начнем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1.

Порошок сначала приходилось втирать в десну. Сразу после того как я это делала десны немели, ноги подкашивались, и я падала на землю. Меня просто не существовало в это время. Я не принимала мир, не принимала воздух, я даже не осознавала что нужно дышать, хотя тело привычными вдохами снабжало организм жизнью. Теперь я называю это полуторачасовой смертью. Если я выпадала из реальности и меня не было, значит я возвращалась в небытие? Туда, где меня не было и нет? А именно небытие ведь и есть смерть?

Моя мама уже все знала. Она видела мои красные глаза, нервное поведение, агрессию, и даже ломки. Озноб, льющийся ручьем холодный пот, и то как трясущиеся руки вырывали из шкафов с постельным бельем последние деньги. Я уже подседа, но и это был не конец. Мне исполнилось 18, и у мамы были считанные дни чтобы начать бороться с этим, пока она еще мой опекун, но она не успела. Вечные очереди, заявление в милиции рассматривалось три дня, и вот я уже самостоятельный человек, кричащий об этом в лицо матери каждый чертов день. В итоге она не выдержала, прижала меня к стене и злобно прокричала что если я самостоятельный взрослый человек, чтобы выметалась из ее дома и зарабатывала на наркоту своим трудом. И я пошла зарабатывать. Прихватив с собой последние деньги, якобы на проезд, и кое какие вещи.

Первым делом я взяла героин, потом стала искать укромное место чтобы вмазаться, получила приход и провалявшись полтора часа на земле я пошла искать место где буду жить. Денег не было, через 12 часов мне нужна будет еще доза, а брать ее не на что. Я пришла к барыге и стала просить в долг, говорила что достану двойную плату завтра, что мне жизненно необходима эта доза, что я умру если не получу ее. Я даже шантажировала его суицидом. Он спокойно оттолкнул меня, валяющуюся у него в ногах и сказал что на этой системе сидит полгорода, и все так же умирают, а бабла нет. У него «не бесплатная раздача. Или деньги, или иди вешайся.» Потом предложил заработать, если сильно нужно. Я согласилась. Платят много, услышав цену платы я уже представила как могу за нее жить. И мы пошли к человеку, который устроит меня. Я бубнила что образования особо нет, даже школу не закончила, и что мало чего умею, на что он сказал что хватит моего красивого личика и желания упорно трудиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.